

Сокровищница русского искусства

Сегодня вечером торжественным заседанием в Государственном Академическом Большом театре начнется празднование столетия со дня основания Государственной Третьяковской галереи. На юбилейные дни в Москву прибыли художники и деятели искусств союзных республик и зарубежные гости. Они примут участие в юбилейной научной сессии, которая продлится два дня. 16 мая в Третьяковской галерее состоится конференция школьных изобразителей.

В залах Третьяковской галереи открываются документальная выставка, показывающая путь ее развития. К юбилею вышли в печать две популярные брошюры, альбомы репродукций и комплекты открыток.

Готовится к выходу цветной научно-популярный фильм «В Третьяковской галерее». Кроме того, будет выпущен хроникально-документальный фильм, посвященный юбилейным дням.

Принимая во внимание, что Московская Государственная Академия Третьяковская является по своему культурному и художественному значению учреждением, выполняющим общегосударственные просветительские функции и что интерес рабочего класса требует, чтобы Третьяковская Галерея вошла в сеть общегосударственных музеев, направляемых в своей деятельности Народным Комиссариатом по Просвещению, Совет Народных Комиссаров постановил:

- 1/ Московскую Государственную Академию Третьяковская Галерея объявить государственной собственностью Российской Федерации Советской Республики и передать в ведение Народного Комиссариата по Просвещению на основе основания с прочими государственными музеями.
- 2/ Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате по Просвещению, срочно разработать и ввести в действие новые положения об управлении галереей и ее деятельности в соответствии с современными музейными потребностями и задачами демократизации художественно-просветительских учреждений Российской Советской Республики.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. И. Ленин*

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров *В. И. Ленин*

3-го июня 1918 г.
Москва

Декрет об объявлении Третьяковской галереи государственной собственностью, подписанный В. И. Лениным.

Алексей Максимович Горький, говоря в письме к А. П. Чехову о хорошем и значительном, что есть в Москве, называл и Третьяковскую галерею. И действительно, Третьяковская галерея, столетие которой мы отмечаем сегодня, — один из самых популярных и любимых народом музеев. Нескончаем поток посетителей в ее залах. Ведь не только москвичи, но буквально каждый приезжающий в столицу непременно стремится посетить «Третьяковку».

Чем же привлекает этот небольшой, своеобразной архитектуры дом, затерявшийся в одном из переулков бывшего Замоскворечья? Что заставляет людей — наших сограждан или гостей из-за границы — устремляться сюда всегда с одинаковым живым интересом, всегда с неизменным волнением? Ответить на эти вопросы легко: любовь к прекрасному, к великому искусству, средоточием которого является Третьяковская галерея.

Известно, что вместе с литературой, театром, музыкой громадную роль в истории нашего народа, в его борьбе за светлое будущее сыграло и наше изобразительное искусство, особенно русская живопись. Имена Репина и Сурикова, Крамского и Перова, Вережягина и Васнецова, Серова и Левитана так же много говорят сердцу и разуму народа, как и имена прославленных русских писателей. Лучшие картины русских живописцев доставляют нам не только высочайшее художественное наслаждение. Они имеют огромное идейно-воспитательное значение, способствуют духовному росту человека.

Вот почему так любима Третьяковская галерея — сокровищница русского изобразительного искусства, в которой хранятся лучшие, драгоценнейшие его произведения. Третьяковская галерея — наша национальная гордость. Ее залы — словно гитаянская летопись, в которой последовательно запечатлены этапы народной истории.

Особое значение Третьяковская галерея имеет для нас, художников. Все наши завоевания во многом — результат пристального изучения, освоения традиций русской школы. А где же, как не в «Третьяковке», мы изучали богатства русского искусства!

Никогда не забуду, как я попал туда впервые, мальчиком. С тех пор все воскресные дни протекли для меня особые значение — часами я простаивал у любимых полотен. Меня поражали и глубокие содержания картин и художественное совершенство их исполнения. Помнится, какое впечатление произвела на меня картина В. Маковского «Брах банк», как обводили акварели Фед. Толстого.

Значение и ценность коллекций Третьяковской галереи не только в богатстве и обилии собранных произведений. Замечательно, что здесь представлены произведения действительно прекраснейшие, рожденные прогрессивной мыслью, светлым и честным стремлением их творцов.

Проходяшь по залам «Третьяковки» — и вновь рождается гордая мысль: какое разнообразие самобытных, самостоятельных талантов включает реалистическая русская живопись! Обнажающие социальное зло и несправедливость картины В. Перова, Г. Масодеова, Б. Савицкого; жанровые сцены из русской народной жизни И. Пранинского, В. Маковского, Н. Ярошенко, В. Маковского; картины известного русского баталиста В. Вережягина; полотна И. Крамского и Н. Ге; многообразное творчество В. Поленова; могучие художественные обобщения жизни в картинах великого И. Репина; монументальные исторические произведения В. Сурикова; поэтичные, проникнутые любовью к народу картины В. Васнецова; великолепные русские пейзажи И. Шишкина, И. Левитана, Ф. Васильева, А. Куйнджи — вот что влекло и влечет в галерею, вот что создало ей всенародную славу!

Большую часть этого изумительного богатства принес в дар русскому народу П. М. Третьяков. Купец по происхождению, он сумел стать передовым общественным деятелем. И потому сегодня, когда все мы невольно перебираем в памяти любимые полотна, хранящиеся в Третьяковской галерее, хочется добрым словом упомянуть ее создателя — замечательного русского патриота, человека, отдавшего всю свою жизнь искусству.

Новое значение в жизни народа приобрела Третьяковская галерея после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 году В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о национализации галереи. Этим декретом подчеркивалось значение Третьяковской галереи, которое ей придало Советское правительство как народному достоянию.

За годы советской власти значительно увеличилась коллекция галереи. В нее вошло произведение русского искусства из бывшего Румянцева музея, Цвётовской галереи, музея И. С. Остроухова, из ряда частных собраний. Государственная экспертная комиссия сжегто разрабатывает и приобретает для «Третьяковки» лучшие произведения дореволюционной и современной живописи. Около 35 000 произведений насчитывают ныне фонды Третьяковской галереи — этого полноты народного музея.

Большое место в экспозиции Третьяковской галереи занимает отдел советского искусства. Советские художники, создающие свои произведения на основе метода социалистического реализма, являются продолжателями тех демократических реалистических традиций, которым служило русское дореволюционное искусство в лице его лучших представителей.

Посетители галереи знают и ценят творчество И. Бродского, одним из первых воссоздавшего образ В. И. Ленина; работы М. Грекова — первого певца и бытописца Советской Армии; картины В. Бакшеева, Н. Нестерова, К. Юона, И. Грабаря, М. Сарьяна, В. Билибинского-Бирули, А. Герасимова, С. Герасимова, В. Яковлева, Г. Савицкого, Е. Лансере, А. Рылова, А. Пластова, В. Ефанова, Г. Рязанского, Ю. Непринцева, С. Григорьева, Ф. Богородского, Ф. Решетникова, Т. Яблонской и других живописцев; произведения Букринников, Д. Шмаринова, Н. Жукова, Д. Дубинского, Г. и О. Верейских, И. Павлова, А. Остроумовой-Лебедевой; скульптуры Н. Андреева, С. Боненкова, И. Шадра, В. Мухоморова, С. Лебедевой, М. Манизера, С. Меркурова, Н. Томского.

Пропагандируя отечественное изобразительное искусство, несся его в массы, Государственная Третьяковская галерея помогает Коммунистической партии воспитывать гражданское чувство любви к Родине, помогает формировать сознание советского человека. Около полутора миллионов человек побывало в галерее лишь в одном минувшем году. А сколько людей ознакомилось с ее экспонатами на передвижных выставках! Значение Третьяковской галереи дополняется и тем огромным влиянием, которое ее сокровища оказывают и на трудящихся стран народной демократии, на все прогрессивное человечество.

Задача наша — приумножать богатства, хранящиеся в Третьяковской галерее, а значит, развивать и совершенствовать советское изобразительное искусство — живопись, графику, скульптуру. К этому мы, советские художники, и стремимся.

Б. ИОГАНСОН,
народный художник СССР

Собратели русских говоров

В Москву прибыли представители тридцати вузов страны, чтобы детально обсудить перспективы изучения русских народных говоров в Институте языкознания Академии наук СССР. Можно встретить в эти дни многих преподавателей кафедр русского языка университетов и педагогических институтов, посвятивших себя кропотливому делу собирания русских диалектов. Собранные материалы помещаются затем в атласы народных говоров, представляющих собой большой интерес не только для диалектологов, но и для изучения истоков языка и истории народа.

Пейзажи И. Шишкина, И. Левитана, Ф. Васильева, А. Куйнджи — вот что влекло и влечет в галерею, вот что создало ей всенародную славу!

Большую часть этого изумительного богатства принес в дар русскому народу П. М. Третьяков. Купец по происхождению, он сумел стать передовым общественным деятелем. И потому сегодня, когда все мы невольно перебираем в памяти любимые полотна, хранящиеся в Третьяковской галерее, хочется добрым словом упомянуть ее создателя — замечательного русского патриота, человека, отдавшего всю свою жизнь искусству.

Новое значение в жизни народа приобрела Третьяковская галерея после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918 году В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о национализации галереи. Этим декретом подчеркивалось значение Третьяковской галереи, которое ей придало Советское правительство как народному достоянию.

За годы советской власти значительно увеличилась коллекция галереи. В нее вошло произведение русского искусства из бывшего Румянцева музея, Цвётовской галереи, музея И. С. Остроухова, из ряда частных собраний. Государственная экспертная комиссия сжегто разрабатывает и приобретает для «Третьяковки» лучшие произведения дореволюционной и современной живописи. Около 35 000 произведений насчитывают ныне фонды Третьяковской галереи — этого полноты народного музея.

Большое место в экспозиции Третьяковской галереи занимает отдел советского искусства. Советские художники, создающие свои произведения на основе метода социалистического реализма, являются продолжателями тех демократических реалистических традиций, которым служило русское дореволюционное искусство в лице его лучших представителей.

Посетители галереи знают и ценят творчество И. Бродского, одним из первых воссоздавшего образ В. И. Ленина; работы М. Грекова — первого певца и бытописца Советской Армии; картины В. Бакшеева, Н. Нестерова, К. Юона, И. Грабаря, М. Сарьяна, В. Билибинского-Бирули, А. Герасимова, С. Герасимова, В. Яковлева, Г. Савицкого, Е. Лансере, А. Рылова, А. Пластова, В. Ефанова, Г. Рязанского, Ю. Непринцева, С. Григорьева, Ф. Богородского, Ф. Решетникова, Т. Яблонской и других живописцев; произведения Букринников, Д. Шмаринова, Н. Жукова, Д. Дубинского, Г. и О. Верейских, И. Павлова, А. Остроумовой-Лебедевой; скульптуры Н. Андреева, С. Боненкова, И. Шадра, В. Мухоморова, С. Лебедевой, М. Манизера, С. Меркурова, Н. Томского.

Пропагандируя отечественное изобразительное искусство, несся его в массы, Государственная Третьяковская галерея помогает Коммунистической партии воспитывать гражданское чувство любви к Родине, помогает формировать сознание советского человека. Около полутора миллионов человек побывало в галерее лишь в одном минувшем году. А сколько людей ознакомилось с ее экспонатами на передвижных выставках! Значение Третьяковской галереи дополняется и тем огромным влиянием, которое ее сокровища оказывают и на трудящихся стран народной демократии, на все прогрессивное человечество.

Задача наша — приумножать богатства, хранящиеся в Третьяковской галерее, а значит, развивать и совершенствовать советское изобразительное искусство — живопись, графику, скульптуру. К этому мы, советские художники, и стремимся.

Б. ИОГАНСОН,
народный художник СССР

Посетители галереи знают и ценят творчество И. Бродского, одним из первых воссоздавшего образ В. И. Ленина; работы М. Грекова — первого певца и бытописца Советской Армии; картины В. Бакшеева, Н. Нестерова, К. Юона, И. Грабаря, М. Сарьяна, В. Билибинского-Бирули, А. Герасимова, С. Герасимова, В. Яковлева, Г. Савицкого, Е. Лансере, А. Рылова, А. Пластова, В. Ефанова, Г. Рязанского, Ю. Непринцева, С. Григорьева, Ф. Богородского, Ф. Решетникова, Т. Яблонской и других живописцев; произведения Букринников, Д. Шмаринова, Н. Жукова, Д. Дубинского, Г. и О. Верейских, И. Павлова, А. Остроумовой-Лебедевой; скульптуры Н. Андреева, С. Боненкова, И. Шадра, В. Мухоморова, С. Лебедевой, М. Манизера, С. Меркурова, Н. Томского.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 56 (3557)

Суббота, 12 мая 1956 г.

Цена 40 коп.

Размышления у телевизора

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

Газета «Советская культура» недавно посвятила целую страницу «Завтрашнему дню советского телевидения». Я читал эту страницу с понятным волнением. Перспективы, действительно, захватывающие. Если сейчас в стране существует 13 телецентров, то к концу года их уже будет 20, а к концу пятилетия не менее 75. Мощные радиорелейные линии свяжут между собой крупнейшие центры страны, что даст возможность обмениваться наиболее интересными передачами. С 1958 года телевидение начнет становиться цветным. Не только жители городов, но и сел, отстоящих от города на сотни километров, смогут проводить у телевизора часы досуга. Уже сегодня в одной лишь Москве и ее окрестностях, по самым скромным подсчетам, более трех миллионов человек смотрят телевизионные передачи. Телевидение перестает быть роскошью и превращается в потребность. Не за горами день, когда телевизор будет в каждом доме.

Это значит, что телевидение стало бесконечно ответственным делом для тех, кому поручено им заниматься. Призванное удовлетворять запросы миллионов, оно не имеет права отставать, плестись в хвосте у жизни. Читая «Советскую культуру», я думал не только о будущем, но и о настоящем тоже и досадовал на то, что газета не рассказала о тех трудностях, какие испытывает телевидение на современном этапе.

А между тем уже сегодня оцитуими «ножицы» между бурным темпом развития телевидения и качеством телевизионного обслуживания зрителя. Об этом нужно говорить прямо, об этом нужно говорить резко, потому что время не терпит, потому что вопросы эти сама жизнь выдвигает на повестку дня.

Изжить кустарщины

Говоря коротко, трудности, переживаемые советским телевидением, с одной стороны, зависят от состояния техники, с другой — от форм студийной работы и нынешних представлений о границах телерадиопропаганды.

Об отставании техники можно сказать, и я думаю, будет сказано много, но это вне моей компетенции. Скажу о том, что я, зритель, вижу повседневно, прохода свободные вечера у экрана телевизора.

Было бы неверно целиком зачеркнуть ту работу, которую ведут сотрудники Центральной студии телевидения. Можно назвать целый ряд интересных, содержательных, умных, мастериц сделанных передач. Больше того, когда проглядываешь программы передач, видишь, что в студии думают о разнообразии интересов зрителя: на телевизионном экране представлены искусство и наука, техника и спорт, введенные интересные циклы, специальные тележурналы; наряду со взрослыми не забыты и малыши. И все же зрители активно выражают свое недовольство, жалуются, что они у телевизора скучают...

Мне кажется, что работа Центральной студии (а она, видимо, отражает положение дел в других телестудиях) слишком задержалась на первоначальном, «кустарном» этапе. Студия сегодня действует так же (или почти так же), как в те годы, когда телевизорами обладали еще единицы, а не миллионы. Она все еще остается тем учреждением, куда многие актеры «забегают» в перерыве между репетицией и спектаклем и смотрят на это дело, как на дополнительный заработок. В студии работают не слишком квалифицированный круг авторов, не всегда привлекаются специалисты. Наконец, не очень ясно, кому, собственно, подчиняется студия, потому что ее непосредственным «хозяином» является Министерство культуры, а хозяином телецентра — Министерство связи, и отношение между министерствами в этом деле оставляет желать лучшего.

Программу телевидения непрерывно «атакуют». То запускаются «серийно» астральные концерты, то отдельные вечера самостоятельности. То, словно решив, что «развлекать» зрителя недостаточно, работники студии с 7 до 11 часов выключают его общеобразовательными передачами (такова, например, программа 23 марта: передача «Литературная Москва», научно-популярный фильм «Повесть о жизни растений», беседа о природных богатствах Казахстана в шестой пятнадцатке, хроникально-документальный фильм «Штупетские по Аргентине»). То, напротив, подавляют зрителя обилием преподнесенного ему за вечер искусства (29 апреля: кукольный спектакль «Золушка», телестановка «Странный джентльмен» по Диккенсу, кинофильм «Главный проспект» и «Мария Кандальская»). То, ничего не сумевшая, демонстрируют сразу два чужих фильма и почтуют свою миссию оконченной. Я уже не говорю о том, что в студии и за грех не считают сдвигать сетку объявленных передач так, чтобы, скажем, интересующий лекцией, названной на 21 час, включая телевизор заранее: она может начаться и в 20 часов, и в 22, и вовсе выпасть из вечерней программы. Что же касается до широко разрекламированной второй программы, то пока по ней демонстрируются главным образом кинофильмы, да и принимаются она, как известно, далеко не всеми телезрителями.

Дальнейшая жизнь нашего телевидения будет развиваться, как я надеюсь, совсем в иных формах, приобретать иные масштабы, иной размах, чем это было до сих пор. Ощущение кустарщины, бедности, порой даже какой-то провинциальности, не покидает зрителя, регулярно следающего за программами телевидения. Это и соответствует действительному положению дел на студии. Необходимо приять те работы, которые сейчас делаются. Я думаю, что пора вынести телевидение из-под опеки радио, создав самостоятельное Управление теле-

визионного вещания, которое руководило бы всеми телестудиями страны и имело мощную финансовую и техническую базу. Словом, эту общегосударственную проблему и решать следует по-государственному. Дело слишком важно и не терпит отлагательства.

Язык телевидения

На моем веку задолго до телевидения такой же период кустарщины пережили сперва кино, а затем и радио. Они тоже не вдруг нашли свою специфику, а сначала захватывали области, им не свойственные.

Сами работники Центральной студии шутя говорят, что, подобно первым автомобилям, которые делались в виде карет, многие передачи невольно копируют принципы радио. Так, только за последний месяц телезрителям довелось прослушать несколько умных получасовых общеобразовательных передач, отличавшихся от аналогичных передач по радио лишь тем, что текст их был еще диктор, дикторский, например, о проходе комбайна, попутно обращаясь к модели, слишком сложной для того, чтобы зритель мог разобраться в ее устройстве. А ведь телевидение призвано быть не только развлекательным, но и «оком в мир», расширять кругозор своих зрителей.

Два качества необходимы общеобразовательным передачам, если мы хотим, чтобы они поднимали нас своим нынешним невысоким уровнем, — оперативность информации и занимательность подачи, при которой хроника, документ, научный факт возводился бы в степень искусства. От научно-популярных и общественно-политических передач требуется умение завлечь зрителя, увлечь его. Иначе они неизбежно будут рассматриваться зрителем, как «перекур» между фильмом и спектаклем. И не надо закрывать на это глаза.

Известно, что многие зарубежные телестудии научились регулярно демонстрировать те или иные события на экране в тот же день, как они совершились. Мне жаль, что мы еще плохо владеем этой техникой, что мечтой остается пока цикл передач «киноаппарат по городу», который мог бы весьма разнообразить наши программы.

Основное свойство телевидения — быть наглядным, зримым. Его решающий признак — изображение. Когда оно не демонстрирует того, о чем говорит, оно теряет, как сказать, свой главный козырь. Если лекция не может быть «показана», если «известия» не «видимы», лучше попрощаться с ней и передать ее по радио. Телевидение, по-моему, весьма близко к кино и в особенности к документальному. Так же, как и хроникальное кино, оно олохо переносит инсценировку, условный «розыгрыш» чего-то, что могло бы иметь место в жизни.

Например, я был удручен серией рекламных передач «В театрах Москвы»: на экране известные актеры звали по телефону не менее известных драматургов, «заказывали» им пьесы, встречались с режиссерами и в форме «непринужденной беседы» оповещали зрителей о будущих постановках. Мне всегда становится стыдно, когда в ходе передачи актер отвечает на вопросы трех студентов, «случайно» оказавшихся в студии. Словом, я — за все формы и виды телеразговора, но против «театра в театре», каким часто бывают у нас телевизионные передачи.

«Почтовый ящик» или творческий центр!

Вопрос — важный. Разумеется, телевидение должно быть — и является уже — передатчиком, проводником всего интересного, общественно значимого, что происходит за стенами студии, в городе, стране. Но и в этой сфере деятельности студия должна рассматривать себя как творческий орган, как высокую трибуну, а не уподобляться «почтовому ящику», куда каждый может опустить корреспонденцию.

К сожалению, сегодня студия ближе к «почтовому ящику». Она все больше передает готовое — фильмы, спектакли, спортивные состязания, вечера — и делает это без должного отбора. Я не уверен, например, что следует показывать по телевизору все фильмы, в том числе и такие, которые признаны слабыми, нехудожественными, — ведь «радиус действия» экранного фильма тем самым безмерно расширяется. То же относится к спектаклям и к некоторым концертам. Как надоеет этот безразличный набор номеров с непереносимым участием средней руки инструментальных ансамблей, жонглера, жанровой певицы без голоса и танцевальных дуэтов без признаков жанра! Так и кажется, что присутствие на несомненно «вечере отдыха», организованном где-то в заштатном клубе предприимчивым администратором.

Очень огорчает, что студия весьма робко пробует свои силы в самостоятельных телеразговорах. В лучшем случае она решается дать лекцию, чье-то выступление перед зрителями, репортаж. Оригинальные телестановки — не частые гости в нашей программе, да и, как правило, они пока что «короткометражны». Я уж не говорю о том, что в их выборе и использовании все случайно и больше определяется актерскими и режиссерскими «предложениями», чем «спросом» самой студии.

Мне кажется, что именно так появилась телестановка «Странный джентльмен» по Диккенсу, весьма некритически утвержденная ради передачи. Я имею в виду слабую постановку, а не самую пьесу. Диккенс, разумеется, не вызывает возражений.

Но вот одностая пьеса В. Потемкиной «С теплым ветром» вызывает возражения сама по себе. Это — пошловатый водевиль, доживший свой век на эстраде, а теперь названный внимание московских телезрителей.

А между тем зрителя особенно привлекают оригинальные телеразговоры, то, что он не может увидеть ни в театре, ни в кино. Телевидение должно как можно меньше дублировать. Оно все должно делать в «первый раз», и притом на самом высоком уровне, коль скоро дело касается миллионов.

Какими силами должны осуществляться студийные постановки? Мне представляется, что в ближайшее время при студии должен быть создан свой театр, специальный коллектив «телеактеров» и «телеактериссов», целиком принадлежащих студии, непопавшие уже существующего у нас Театра киноактера. Другое дело, что в постановках этого театра могут приглашаться исполнители из других коллективов. Но без своих кадров студии не обойтись.

Словом, творческие возможности студии должны быть расширены, и не только за счет оригинальных постановок. Тут и тематические концерты, и творческие вечера, и многое другое, чего я даже не могу предвидеть, потому что мысля категориями, уже известными из практики прочих видов искусства.

Показывать лучше!

На наших глазах развертывается конкуренция между телевидением, с одной стороны, театром и кино — с другой.

Эти последние серьезно опасаются, что телевидение «отобьет» у них зрителей. Студия не разрешает показывать новые фильмы ранее, чем на 10—11-й день после их выхода на экран. Не дают ей — иначе сказать — не дают миллионному зрителю — лучшие спектакли последних лет. Ни «Блоп», ни «Гамлет», ни «Оптимистическая трагедия», ни «Кремлевские курьезы», ни «Фома Горецкий» по телевизору не показывались. По телевизору можно увидеть то, что уже «отыграно», пришло театральному зрителю, что перестало со временем делать сборы, а то и просто-напросто не ушло. Так, в этом сезоне представил на телевизионном экране не пользующийся успехом вахтанговский спектакль «Да, вот она — любовь...», обещавший зрителям Театра имени Ленинского комсомола «Так и будет», поставленный в новой постановке Театра сатиры «Чужой ребенок». Проще сказать, театры «вылают» телезрителю то, что им самим не нужно.

Такая позиция представляется мне антигосударственной. Давайте руководствоваться соображениями творческими, идейными, а не одной только заботой о повышении сборов. Ведь мы все делаем одно и то же дело. Как же можно заставить народу вместо лучших — худшие образцы искусства, стало быть, распространять их на гигантскую аудиторию? И кто мы, в конце концов, — коммерсанты или политики?

Я убежден, что телевидение никогда не займет места театра. Этого не случится. В свое время кино не вытеснило театра, хотя по этому поводу делались весьма неутешительные прогнозы. Больше того: я убежден, что хороший спектакль, переданный по телевизору, есть лучший, наиболее действенный способ популяризации работы театра, актера и режиссера. Руководителям театров следовало бы задуматься над тем, что пьеса, написанная в журнале, никогда не мешает успеху спектакля, музыкальные радиопередачи, приобщая людей к миру музыки, лишь увеличивают число посетителей концертов, а то обстоятельство, что по телевизору стали передавать футбольные матчи, отнюдь не опустошило наши стадионы... А вот плохой спектакль, показанный по телевизору, способен серьезно отравить зрителю от данного театра.

Нужно помнить: телевидение — это не место, куда сбывают ненужное, не выставку «суденных товаров». Телевидение — это лучшая оценочная площадка города. Право показывать там спектакль — почетное задание. Его еще нужно завоевать. Так — и только так — может быть поставлен этот вопрос.

Последнее, о чем я хочу сказать. Студия пока работает келейно. Критические статьи о телевидении — редкость. Газеты не практикуют обзоров прошедших телеразговоров. Телевидение, несмотря на всю свою массовость, не имеет специального журнала, как имеют его деятели музыки, изобразительного искусства, кино, театра. Со своим зрителем работники студии не встречаются и его мнение о своих передачах узнают не часто, от случая к случаю.

А ведь телевидение у нас любят, интересуются им, как новичком, как добрым изобретением, скрашивающим людям часы досуга. Добровольцев, желающих помочь студии, придет видимо-невидимо, — стоит только кликнуть клич. У студии повсеместно появятся свои корреспонденты или телезрители, как хочется их назвать. И сколько новых возможностей откроется перед студией, насколько легче ей будет обобщить собственный опыт и сделать необходимые выводы!

Эта статья не исчерпывает и сотой доли тех вопросов, которые связаны с проблемой телевидения. Но если она кого-нибудь заинтересует, расшевелит «заинтересованных лиц», послужит началом, как говорят у нас, «большого разговора», нужна в котором давно назрела, я позволю себе считать, что дело сделано, что советское телевидение вступает в юбную пору творческой перестройки.

Всенародное одобрение

Преклет Закон о государственных пенсиях встретил всеобщее одобрение народа, как еще одно проявление великой заботы Партии и Правительства о трудовом человеке.

Все вижу и всечу этого года я был в дороге — побывал у своих земляков в степях Запорожья, встретился с колхозниками Буковины, Полтавщины, Тернопольщины и Подолья, ездил к друзьям в Белоруссию. И везде, о чем бы мы ни заговорили, наши мысли были обращены к решениям XX съезда партии.

Запорожские сталевары, полтавские хлеборобы, буковинские лесорубы, винницкие учителя и многие, многие другие, с кем мне приходилось беседовать, — все эти красивые, неутомимые работники с волевыми делами своими думами, своими планами и рассуждениями о том, как они претворяют в жизнь решения съезда. И хотя речь в большинстве случаев шла обычно об одном колхозе, цехе или школе, они, как полные хозяева земли, широко, по-государственному подходили к решению каждого вопроса. И сколько раз после таких бесед мне вспоминались строки В. Маяковского: «Радуясь я — это мой труд выливается в труд моей республики».

Совсем недавно Аняней Белая рассказывала мне о плане шестой пятнадцатки его родного колхоза «Заря коммунизма». Колхоз вырос на запорожской равнине. Новатор степного садоводства, А. Белой со своими земляками вырастил более пятисот гектаров чудесного сада, приносящего миллионы долоды. Говоря о будущем колхоза, А. Белая рисовала яркую картину широких возможностей садоводства в степях Украины. Он щедро снабжал колхозы десятками тысяч саженцев из своих питомников.

Учительница села Малая Томкача Юлия Дмитриевна Любарская, проработавшая в сельской школе более сорока лет, говоря о полбеме, который паре на Украине после XX съезда партии, сказала: — Какое счастливое поколение, все ему под силу!

А буковинский лесоруб Петро Гарбуз со своей семьей гордо почитывают горуж:

— Рублю лес далеко в горах. Кругом бужи, пихты шумят, а с вершины далеко вижу. Вижу горные города и заводы, шахты дощечки и море пшеницы. А партия видит еще дальше — на десятилетия вперед. И поэтому работаем я с великой радостью...

Три дня тому назад под местечком Любеве белорусские писатели поздравляли меня со старым русским моряком Федором Семанчуком. Сейчас он работает мастером лесозавода.

— Не хочу уходить из цеха, хочу, как все, быть и сегодня в строю. Не на Балтике, так в труде, — говорит он.

Я вспоминаю о всех этих людях, читая проект Закона о государственных пенсиях. О них эта великая забота нашей партии. От Закарпатья до Курльских островов трудятся они, строители коммунизма, люди высоких общественных идеалов, люди твердой воли, жизнерадостные, преданные Родине. Просто и сердечно сказал мне один старый каменщик:

— Говорят, труд строителя благороден. Конечно, радуешься, гордишься, встречаешь новоселов, которые вселяются в построенный тобой дом. Конечно, приятно послушать первый звонок в новой школе или наблюдать за игрой детей в яслях, построенных твоей бригадой. Но подумай-подумай и приходишь к мысли: самый благородный труд — это труд нашей партии. Какой мир она строит и как о людях думает, заботится! Вот такая забота теперь проявляется о нашей старости. Сердечное спасибо нашей партии!

Хорошо сказал старый каменщик!
Никола НАГНИВЕДА

Итоги кинофестиваля в Канне

Во французском городе Канне закончился IX международный кинофестиваль. Вчера наш корреспондент связался по телефону с членом советской делегации артистом А. Баталовым и попросил рассказать

О монументальной пропаганде

Подготовил ельняе работы по проведению в жизнь ленинского плана монументальной пропаганды были начаты сразу же, но велись медленно и долго. Это вызвало возмущение Ленина, выражающееся в писемных телеграммах и письмах к члену ЦК, секретарю ЦК, председателю Моссовета и др. В дальнейшем некоторые памятники были подготовлены и воздвигнуты, но в большинстве своем они оказались неудачными и были впоследствии убиты. Сохранились только находящиеся в Александровском саду обелиск, на котором высечены имена видных мыслителей и революционеров. 1 мая 1920 года в Москве, на площади Свердлова, состоялась закладка памятника Карлу Марксу. С речами выступил Ленин и Луначарский. Ленин лично надписал и замуровал мемориальную плиту. На плите красного гранита было высечено: «ЭТО первый камень будущего памятника К. Марксу».

Нет сомнения, что ленинская идея монументальной пропаганды, выливающаяся почти через десятилетия назад, остается актуальной и сегодня. Намеченные в плане тех дней практические средства и сейчас могли бы быть действенными. Задача состоит в том, чтобы должным образом осуществлять замысел Ленина.

В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и других крупнейших городах страны должны быть установлены памятники в мемориальные барельефы, посвященные великим учителям социализма, а в Москве пора, наконец, вернуться к вопросу об установлении памятника Марксу, заложеному Лениным 36 лет назад.

Думается также, что правильно будет в число «памятников Российской Социалистической Революции», предусмотренных декретом 1918 года, включить памятники забытым или полубытым, но заслуживающим вечной славы борцам революции, возглавлявшим движение масс как в крупнейших центрах нашей страны, так и на периферии. На наш взгляд, необходимо, чтобы соответствующие организации в каждой из союзных и автономных республик, в каждой из столиц, в каждом большом и малом городе, которые были полем революционной борьбы в гражданской войне, вспоминали людей, самоотверженно трудившихся, а нередко и отдавших жизнь ради великой победы социализма. Убековская память этих замечательных людей в достоянии монумента, надо позаботиться и об издании их жизнеописаний как составной части ленинского плана.

Мы глубоко убеждены, что высказанная В. И. Лениным идея станет источником вдохновения для наших скульпторов и архитекторов, историков и литераторов и что дружными усилиями они придают ей достойное выражение.

Профессор И. ЗИЛЬБЕРГАРБ
МОСКВА

Ждем „Библиотеку путешествий“

Известны свидетельства многих крупных ученых, путешественников, писателей о том, какое место в круге их чтения занимали описания путешествий. Так, например, А. М. Горький в своем рассказе «Как я учился писать» писал: «Книги продолжали открывать предо мной новые; особенно много давали мне два иллюстрированных журнала: «Всемирная иллюстрация» и «Живописное обозрение». Их картинки, изображающие города, людей и события иностранной жизни, все более и более расширяли предо мною мир, и я чувствовал, как он растет, огромный, интересный, исполненный великими деяниями».

Государственное издательство лесской литературы начало выпускать «Библиотеку путешествий». Это начинание встретил горячую поддержку читателей. Думается, что с не меньшим, а, может быть, и с большим удовлетворением была бы встречена «Библиотека путешествий». Такое издание сразу выполнит две задачи: даст увлекательное чтение и вместе с тем научно достоверные знания о природе, экономике, культуре народов мира.

ПОШКАР-ОЛА
И. КАДЫКОВ

Штрихи Москвы

Когда ондымаешь мысленным взглядом лучшие работы художника Ю. Пименова, они представляются развнутой лирической симфонией о Москве и москвичах, об их трудах, заботах, горести и радости. В его живописных картинах о Москве и москвичах раскрываются зрительно приметы времени. Каждый цикл работ Пименова по-новому отражает картину жизни в ее живом движении, поэзии и красоте.

Сейчас художник продолжает работу над серией черных акварелей — «Подмосковье» и начал новую серию цветных акварелей — «Московская жизнь».

Художник в эскизах сценария не пренебрегает своим героическим непривычным для нас делом, особым ситуациям. Они живут как будто своей обидной жизнью. И именно потому, что автор говорит поэтическими образами, не поспешными изображениями, границы непосредственно видному зрителю легко расширяются, и за непритязательной конкретной сценкой нам раскрывается широкое содержание. Мы ощущаем дыхание времени: молодость, бодрость, радость; чувствуем напряженный ритм жизни.

Л. АКимова

Михаил ГОДЕНКО В Ново-Спасовке празднуют Спаса...

В селе Ново-Спасовке празднуют Спаса, в селе Ново-Спасовке стонут гармонь.

Горлицы в коду, помидоры, колбасы; Лоснятся носы и потеют ладони.

В тарелках глужиче збокни рдют — Их в церкви кропили святою водичей. Мне хочеть знати, Воюют здесь парни, Во не, И девичьи?

Мне хочеть знати, Что их, грешных, так тнют На праздник церковный В рабочую пору? Во не, то, С комсомольским билетом в кармае, Знати, усеба — Поику, у забора.

На шумном кругу Разбитая девочка С припевками пляшет под обложком пыли.

А их бригадир в побелевшей кепочке Спешит по двору на исповещей кобыле.

Зовет не поля их, Стыдит и конфузит, — Его злушают «Амурские волны», Неурной сохнет в степи кукуруза, И семечки-слезы роняет подсолнух.

Я гость здесь, Приезжий, Прийти бы мне мимо. Но не, Пригнутае гармонь, Довольно! Село Ново-Спасовка, Край мой родимый, Видеть все это Мне стыдно и больно!

К 50-летию Г. Тушкана

В связи с 50-летием со дня рождения писателя Георгия Павловича Тушкана правление Союза писателей направил ему признание его работы в приключенческом жанре. Книги Г. Тушкана, в особенности приключенческий роман «Джугра», неизменно пользуются любовью читателей.

Приветствие заканчивается пожеланием писателю смелее и шире использовать большой накопленный им жизненный и боевой опыт для создания новых книг, посвященных людям подвига, людям, борющимся за счастье нашего народа.

ФЕЛЬЕТОН

Оглядкин, как таковой

Как-то пришлось мне побывать в городе Зареченске. А там, к вашему сведению, шесть главных улиц — Первая Главная, Вторая Главная и так далее. И вот идя рано утром по Шестой Главной. Вижу большую двухэтажную постройку. Форточка открыта. Из форточки идет дым.

Из одной форточки он вылетает змейкой. Из другой течет прямой и ровной струей, словно вода из пожарной кишки. Из третьей вылетает курлявыми барашками. Из четвертой выскакивает колесками разных размеров.

Я подошел ближе, и мое обоняние старого курлявика ощутило запах всего богатого ассортимента Главтабака, где канялы чередуются с горами, «Беломор» с «Казбеком», «Волго-Дон» с «Памиром».

Над дымящимися зданиями возвышалась вышка, на которой ничего не было написано. Впоследствии я узнал причину этого странного явления: начальник товарищ Оглядкин не знал, как назвать подведомственное ему учреждение — отделом озеленения и оформления или, наоборот, отделом оформления и озеленения. Не делая из себя гения, он решил так: сложного дела, он спросил область, а оттуда ответа все еще не поступало.

На мой вопрос, почему из всех форточек валит дым, старушка-куршера, которая встретила меня в передней, деловито ответила: — Прения развернулись.

Дальше из разговоров с сотрудниками, свободными в этот час от прений, я узнал, что в данный момент во всех конюшнях и кабинетах усиленно заседают комиссия.

Дело в том, что начальники учреждения Оглядкин давно решил ничего не решать. Вот почему, являя на своей особой любви к коллегальности, он по любому поводу создал комиссию. Пущай она обсуждают и решают, а он в сторонке, сбоку.

А в случае чего — у него девять бумажек, дюжина протоколов, семнадцать справок. Попробуйте-ка продраться через эту бумажную изгородь.

Товарищ Оглядкин, — говорит ему завхоз, — пора бы уголь завозить.

— Придётся, голуба, обсудить, посоветоваться. А лучше всего перелать вопрос в инвентарную комиссию.

Местный остролюб утверждал, что однажды он спросил Оглядкина: — Как ваше здоровье? Оглядкин по привычке ответил: — Ваш вопрос, голуба, поставим на президентное.

Оглядкин еще недавно был в маленьком чине. Но у него есть приятель в большом чине. И вот приятель все «поддерживает» — как в своем восторге, и выше, и выше. Находились в Зареченске люди, которые говорили что Оглядкин «растет». Под ним словом они подразумевают повышение в должности. Причем умалчивают, что прибавление чина и знания не всегда означают прибавление ума.

Нельзя сказать, что Оглядкин глуп. У него есть ум. Но он все время твердит Оглядкин: «Берегись!».

Вот перед ним бумажка, надо на ней написать: «утвердить» или «отказать». А в голове, словно дытел носом, тук да тук: «Берегись!».

Как тут быть — утвердить или отказать? На перепутье — два камня. На одном начертано утвердить, на другом — «отказать». Сидит Оглядкин на своем административном коне. Сидит и раздумывает: «Сюда — вперед, туда — назад».

Вот перед ним бумажка, надо на ней написать: «утвердить» или «отказать». А в голове, словно дытел носом, тук да тук: «Берегись!».

Как тут быть — утвердить или отказать? На перепутье — два камня. На одном начертано утвердить, на другом — «отказать». Сидит Оглядкин на своем административном коне. Сидит и раздумывает: «Сюда — вперед, туда — назад».

Вот перед ним бумажка, надо на ней написать: «утвердить» или «отказать». А в голове, словно дытел носом, тук да тук: «Берегись!».

Как тут быть — утвердить или отказать? На перепутье — два камня. На одном начертано утвердить, на другом — «отказать». Сидит Оглядкин на своем административном коне. Сидит и раздумывает: «Сюда — вперед, туда — назад».

Вот перед ним бумажка, надо на ней написать: «утвердить» или «отказать». А в голове, словно дытел носом, тук да тук: «Берегись!».

Как тут быть — утвердить или отказать? На перепутье — два камня. На одном начертано утвердить, на другом — «отказать». Сидит Оглядкин на своем административном коне. Сидит и раздумывает: «Сюда — вперед, туда — назад».

Вот перед ним бумажка, надо на ней написать: «утвердить» или «отказать». А в голове, словно дытел носом, тук да тук: «Берегись!».

Как тут быть — утвердить или отказать? На перепутье — два камня. На одном начертано утвердить, на другом — «отказать». Сидит Оглядкин на своем административном коне. Сидит и раздумывает: «Сюда — вперед, туда — назад».

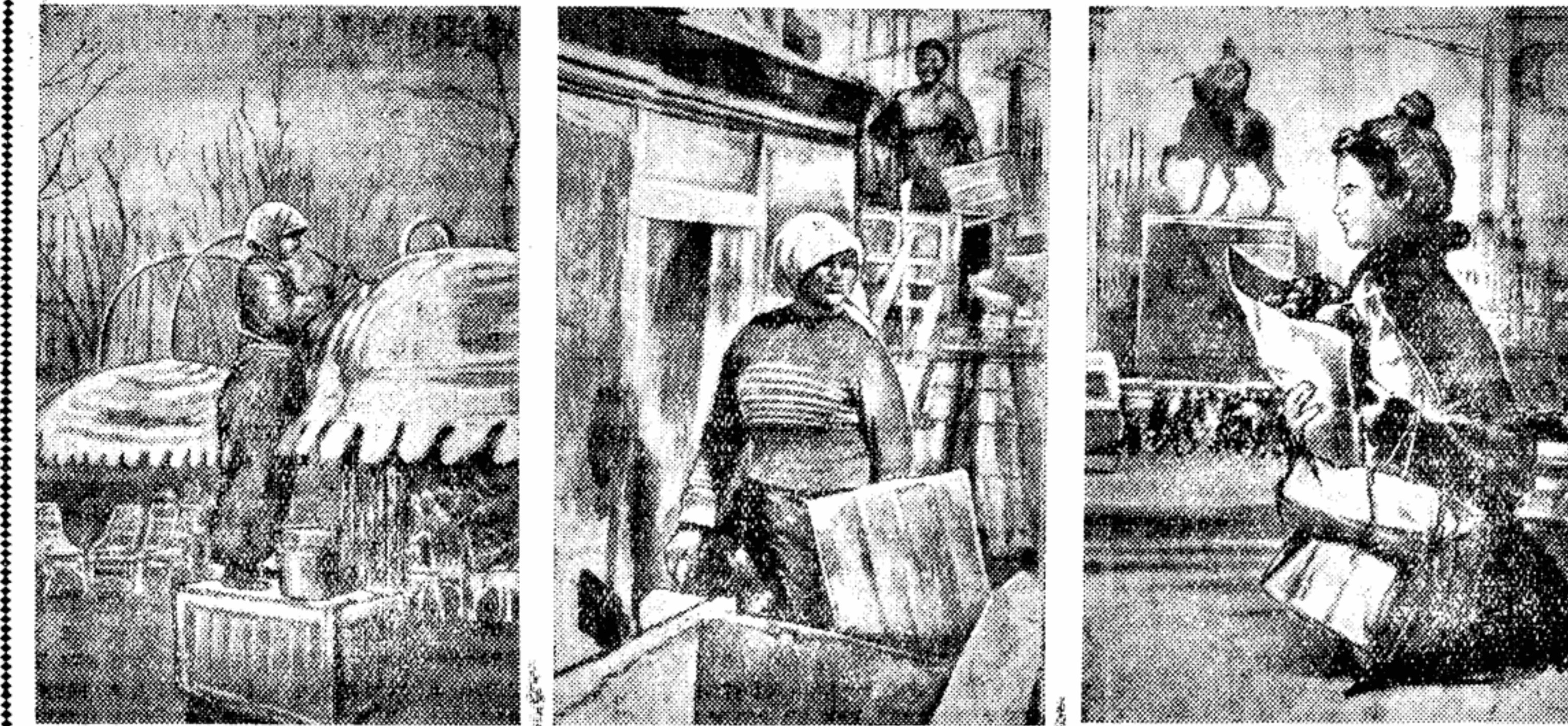
Вот перед ним бумажка, надо на ней написать: «утвердить» или «отказать». А в голове, словно дытел носом, тук да тук: «Берегись!».

Как тут быть — утвердить или отказать? На перепутье — два камня. На одном начертано утвердить, на другом — «отказать». Сидит Оглядкин на своем административном коне. Сидит и раздумывает: «Сюда — вперед, туда — назад».

Вот перед ним бумажка, надо на ней написать: «утвердить» или «отказать». А в голове, словно дытел носом, тук да тук: «Берегись!».

Как тут быть — утвердить или отказать? На перепутье — два камня. На одном начертано утвердить, на другом — «отказать». Сидит Оглядкин на своем административном коне. Сидит и раздумывает: «Сюда — вперед, туда — назад».

ПОШКАР-ОЛА
И. КАДЫКОВ

Народный поэт

МЫ ТАК давно знаем нашего друга, народного поэта Азербайджана Самеда Вургуну, что не ошибемся, сказав: нет такого большого события в жизни советского народа за последние тридцать лет, которое не нашло бы отражения в его страстных, лафосных, сильно звучащих стихах.

Когда-нибудь писатель будущего напишет роман о жизни Вургуну, жизни мастера, вечно стремящегося, ищущего, врага тишины и покоя, называвшего себя в стихах «птицей урагана». Живописный ураган Октябрьской революции, пронесшийся над нашей страной от льдов Арктики до теплых берегов Каспийского моря, не только родил лес нефтяных вышек и новые прекрасные елания Баку, не только превратил отсталый Азербайджан в жемчужину каспийских берегов, но принес стихи, поэмы и песни Самеда Вургуну в советскую литературу.

Мы видели нашего друга Самеда Вургуну на трибуне Всесоюзного съезда писателей. Именно он докладывал участникам съезда о многонациональной советской поэзии, о ее успехах и неудачах за двадцать лет. Это было справедливо. Известный всей стране и за ее пределами, воинственный поэт, требовательный к себе и другим, автор замечательных стихов и вдохновенных песен «Вагиф», «Ханлар», «Фархад и Ширин», выступил на этом критиком, и его рассказ — это был, конечно, рассказ, а не сухой доклад, — будет интересен и тем, кто через много лет явится с новыми требованиями и новыми песнями.

О Самеде Вургуну написаны стихотворения, и, может быть, одно из лучших — стихотворение Константина Симонова о том, как Самед Вургун однажды за границу держал огненную речь, в которой поэтически сильно дал отпор империалистам и врагам мира. О Самеде Вургуне есть много устных рассказов. В них мы также найдем отражение его волевого характера, его поэтического темперамента, его веселого народного юмора.

В Азербайджане, стране поетов, где народ чтит такие имена, как Низами, Хатини, Вагиф, не так легко завладеть сердцами, чтобы получить высокое звание народного поета. Самед Вургун — певец народа, сам вышедший из его рядов, сам делавший с ним его беды и его трудный, смелый, революционный путь.

В знаменитом своем стихотворении «Азербайджан» поэт восклицает:

Можно ли песню из горла украсть? — Никогда! Ты — дыхание мое, ты — мой хлеб и вола! Предо мной распахнулись твои города... Вся я твой. Навсегда в сынаю тебе дан, Азербайджан, Азербайджан!

«В каждом малом селе есть любимый певец», — говорит он в том же стихотворении. Это правда, как и то, что в нашей большой стране есть большие любимые певцы, и среди них Самед Вургун. Он в любой век был бы поэтом, но ему выпало особое счастье — быть поэтом в век борьбы и свободы, в век расцвета его родины.

Сколько бы я ни встречался с моим другом Самедем Вургуну за пределами Азербайджана — и в столице нашей Родины, и в других городах братских республик, и за границей, — я никогда не забуду наших встреч на земле Азербайджана, давал полное понимание того, как сложился, на какой земле вырос его поэтический талант.

В дни, когда азербайджанский народ и его друзья, и многочисленные гости — представители поетов братских республик и дружественных стран — чествовали великого Низами, когда по всей республике день и ночь звенели стихи и звучали речи друзей, с новой силой опухала вечная жизнь слова, настоящее растрясение поэтического вдохновения в жизни народа, ощущение жадна всепроникающей поэзии, то желание поэта, о котором так предельно точно сказал в своих стихах Самед Вургун:

...Не зная дней рождения, дней ухода, Под тысячей имен в родной стране — Жить, вечно жить в бессмертии народа, В зерне в слове, хлебе и вине!..

И вот после этих дней праздника, перед тем, как наступила новая трудовая страда в жизни поэта, я вместе с ним испытательски раз невзвешенное очарование азербайджанской земли, той, на которой родилась десня Самеда Вургуну.

После необычного вечера, которым закончили юбилейные празднества, вечера, где выступили пятьдесят два поэта разных народов, ранним туманным сентябрьским утром Баку покинула небольшая компания, куда вошли, кроме других, Самед Вургун, Александр Фадеев и я.

Мы отправились на север в Шемаху, оставив за собой шум праздника и трудовую страда.

Впереди шли большие, страстные разговоры о жизни, о поэзии, о правде искусства.

Попадались всегда, в селе или на ферме, любители поэзии, которые читали стихи Самеда Вургуну наизусть, и они улыбаются самой доброй улыбкой, слыша свои стихи как бы преображенными в устах другого.

Самед Вургун то погружался в прошлое, когда мы, например, вспоминали давние дни славной Шемахи, ныне разрушенной многими землетрясениями, то спорил с колхозниками, дружески, по-хорошему, о месте, где поставить новый клуб, то шел в поле говорить с крестьянами о новых сортах хлопка, то пел песни с любимыми народными творчеством, то бросал снова в зеленые раздолы и исчезал в их глубине.

В эти дни я узнал нашего друга до конца. Нет, он не был книжником. Он был весь от этой веселости, с которой подымался и тонел в огонь, завихрившись с дымом, и ветер, вышпий пляски разноцветных листьев, весь от этой земли, над которой стояли голубые, черные, серые громады гор, накрытые прозрачными облаками, сквозящие которые блистали вечные льды.

Ржание играющего жеребенка, звуки молотилки, работающей на опухке рощи, птичий свист, шум реки, прозрачной и сиреневой, — все это смешалось грохотом и звоном, когда мы очутились в долине Буры, в том месте, где шел смертный бой с рекой, где создавалась громада мингечаурской плотины.

И это видение грозной техники после тихого приволья лесов было так естественно, что стихи Самеда Вургуну звучали прямым свидетельством увиденного:

О чуде горного труда свидетельствует кто не спит! На белых злых солончаках растут сады и зреет хлеб. Гудят заводов булят степи... В нардах ярких города... Мингечаур, Мингечаур, степей счастливая звезда!

Мы жили среди этого творческого грохота на берегу Буры, среди новых людей, и преобразование пусты, выжженной долины в город было тоже поэтическим видением. Мы видели начало садов, начало жизни. Дети, рожденные в домиках Мингечаура, были детьми строителей, которые с детства привыкали к величественной песне труда. Здесь трудилась вместе и азербайджанцы, и русские, и армяне, и белорусы, и украинцы, и грузины. Это было выражение дружбы народов на деле, как на деле росла плотина, на деле рос город — центр новой, разумной, большой жизни.

И мы кончили наш путь тем, что, пересекши пенные реки, насладившись чудной охровой аллеей вековых великанов, которая свыше восьмидесяти километров сопутствовала нам, спустились в пылеюшую долину прославленной Алазани, прошли долине Чиатурского леса и приехали в тот вечер в гостях у старейшего, замечательного грузинского поэта Саидро Шанишвили. Молодые маджари хорошо сопровождали молодых фазанов и туратей.

При полной луне, когда пена рек вспыхивала зелеными огнями, в черноте охровой аллеей возвращался Самед Вургун в леса Азербайджана, оставив жителям календарного селения воспоминание о том, как славный азербайджанский поэт и грузинский старейший певец родного края пили за дружбу народов и за русский народ, представители коего разделили этот вечерний приуружий.

И сегодня, когда я перечитываю стихи Самеда Вургуну, я думаю о том, какую большую, хорошую, полную жизнь отражал он в своих стихах. Он смотрит на Баку, и, может быть, на дворе такая же лунная ночь, как тогда, когда мы мчались сквозь леса, и город растет в тенях ночи, как сказочное видение из поэмы Низами. Новые замыслы встает перед поэтом.

У Самеда Вургуну много друзей и в нашей стране и за рубежом. Он создан великой дружбой, соединяющей народы и поэзию. Он борел за мир, за мирное будущее человечества. Он всегда слышит прибой стиха, как прибой Каспийского моря. Этот стиховой прибой ударяет в виски, молотит сердце, просветляет ум.

И ритмы растут, встают, звучат по-новому, «чтоб ритмом вихонобленным и безмерным мы были дальним правнукам слышны!».

И Самед Вургун будет услышан правнуками, потому что люди будущих времен не могут не поверить в искренность и силу этой поэзии, шагавшей по земле, каждый год молодеющей и расцветавшей все удивительней. Не могут не поверить могучему кличу поэта, обращавшегося к своим современникам, братьям по стиху:

Вперед, поэты! Сильными руками Развиваем шире занавес времени! В грядущее войдем болевщиками Под славной сенью ленинских знамен!

Литературная газета
2 12 мая 1956 г. № 56

Мы часто говорим о том, что наши литераторы не писали еще всей правды о Великой Отечественной войне, и не в том только смысле, что утаили что-то скорбное и тяжелое, — горькой правды кропотливых боев и тяжелых потерь немалое на тысячах страниц наших книг.

И все-таки сказано не вся правда, ибо неисчерпаема по своей глубине тема советского патриотизма — тема души нашего народа, единство в своем человеческом многообразии. Может быть, естественно и объяснимо, что в книгах, написанных в горячие дни боев и в страдную восстановительную пору первых послевоенных лет, зачастую оказывалось мало места для подобного психологического анализа души воюющего человека.

Литература создала многообразные характеры-типы, которые выражали народ и которые хотел и должен был увидеть народ в своем боевом искусстве. Даже в единичном, исключительном раскрытии типического, массового. Таковы любимые образы военных и первых послевоенных лет — Мересьев и Теркин. В этом была сила нашей литературы недавно прошедших лет, ее высокое организующее мастерство. Но на это она не могла остановиться, если хотела сказать всю правду человеческой души.

Мы часто говорим также, что теперь, подвиги историей на высоту победы, мы должны по-новому увидеть и показать войну. И многие из нас понимают под этим сообщение новых фактов, другие — необходимость подняться на новый уровень абстрактно понятого мастерства: просто писать лучше, похуже, естественнее. Но мастерство мертво без вдохновляющей его идеи. Нас потрясает не красивое слово само по себе, а та сила, с какой оно выражает человеческую мысль и чувство, близкие нам и нас поражающие. Поэтому-то так удивительно мастерство К. Фелина в его «В Ясной Поляне» — главе из неоконченного нового романа, помещенной в сборнике «Литературная Москва». Потому что так удивительно, что с большой убеждающей силой выражает идею общенародного единства, как основу нашей победы над фашизмом, как основу всех наших прошедших и будущих побед.

Вдохновенное мастерство это нашло точный наш язык в душах совсем, совсем разных людей, не сделавших в своем большинстве на протяжении этой главы близкими (а иногда даже и просто понятными) друг другу, но несущих в глубине своей жизни единую, хотя тоже совсем разную, всепоглощающую любовь к своей отчизне. Герои этой главы — писатель Александр Пастухов, уже известный нам из дилогии К. Фелина, и его сын Алеша, которого мы до сей поры встречали ребенком, — люди совершенно различного склада. Один — прославленный старый писатель, приведенный к народу силой своего таланта, дорогой, полной заблуждений, ошибок и срывов, уже известный нам, а также углубившийся в глубины его биографии. Это характер, и сегодня еще во многом не преодолевший в себе ветхого человека прошлого. Его сын Алеша, некогда оставленный отцом, — ныне молодой офицер, юнша, весь устремленный в будущее, чистая и честная совесть молодого социалистического мира. Там, где отец ужасается и мятежится, сын самоотверженно борется с врагом. Там, где отец задает свои «секреты», вопросы, сын отвечает им спонтанно и колеблется, вооруженный всемогущей верой в правоту и неопределимость социалистической правды. Отец стареет опытом, богаче психологическим зрением, сын сильнее деянием, чистотой чувства, глубиной интеллекта социалистического. Отец виноват перед сыном. Автор, не колеблясь, отдает предпочтение Алеше, признает его правоту, но Пастухов-старший, так же как и Алеша, прав в своей любви к родине, России, ее бесмертному гению.

Внешне действие этой главы чрезвычайно просто: оказавшись в сентябре 1941 года в Ясной Поляне, писатель Пастухов пришел в усадьбу Толстого для того, чтобы в час народный день приобщиться к русскому гению, «прикоснуться к самому драгоценному в своей жизни. Пришел за поддержкой своего духа, за решающим советом — как ему быть?». И этот совет он получил в Ясной Поляне в мыслях и чувствах нечаянно встреченного здесь сына-офицера, и в своих собственных мыслях о Толстом.

Сидя под «деревом бейнх» с внезапно обретенным в общем горе, выповатим и скорбным отцом, Алеша с гордостью и почти благоволением признает его талант художника, но решительно отвергает его растерянность и смятение, его опасение, что завтра смогут захватчики вырвать у него сердце, сердце России, «нашу плоть, наш дух», которые находятся тут здесь, где родился и работал, «как господин и раб своего гения», Лев Толстой.

«Наверно, все мы думали о том же, о чем ты», — говорит Алеша о себе и своих товарищах, молодых офицерах. «А наш пап, По-своему. И я сказал, что если бы Толстой был жив, то не страшно, не приехали бы теперь дожидаться бы его, чтобы он к нам вышел из дома, а старик сам выбежал бы и начал бы бить набат в этот колокол, и знал бы людей, с кем бы он к нам вышел, о котором ты так хорошо мне сказал. Спасибо тебе... Но сердце, сердце... сердце у нас някому не вырвать. Оно слишком у нас велико!».

И Пастухов восторженно видит величие сердца народного, его неистребимую жизнеспособность в поведении окружающих его здесь людей. Он видит это и в пропавшей отчужденности русскому гению, которая выражена во всем поведении экскурсовода Марии Петровны, пусть не понимая до конца всей глубины своего любимого дела и тонких переживаний писателя Пастухова. Это величие сердца раскрывается через ту страстную настойчивость, с какой требуют молодые красноармейцы, чтобы им показали в эвакуируемой усадьбе «...хоть бы человека!» — через их простую готовность умереть за Родину и через ту внутреннюю деликатность, с какой они торопились войти в дом Толстого, «...по привычке безобидно наваливаясь друг другу на спины и — чтобы не давить ног — шаркая подошвами...». Большое сердце народа, всегда готового биться с врагом, выражено здесь и, казалось бы, в комической ситуации, когда беснозлая девчонка с медовыми глазами, встретившая Пастухова-старшего в лесу и пригласившая его за шпана, приводит мужиков, чтобы вязать подозрительную личность в голубую пальто.

Сдержанное достоинство, с которым простая женщина Мария Петровна, куда более простая, чем тонко организованный писатель, отклоняет его иронию в адрес этих людей, действительно немножко смешных в своей ошибке, говорит о том, что писатель Пастухов еще никому предстоит научиться у народа, у его жен, его истинной философии.

Все чрезвычайно экономные в своем многообразном богатстве изобразительные средства этой главы, все ее живописные детали пронизаны единой и страстной патристической мыслью-чувством. Вот «подловому» переключается птицы в осеннем лесу, через который идет Пастухов-отец, и он слышит, как они,сторожанные, тревожно извещают друг друга о его приближении: «Он стал!» — и какой-то другой деловой голос откуда-то спрашивает: «Опять?». И пчуга ответила: «Опять...». И эта переключая птиц возбуждает в творческом воображении Па-

В усадьбе Толстого

З. КЕДРИНА

1941 года в Ясной Поляне, писатель Пастухов пришел в усадьбу Толстого для того, чтобы в час народный день приобщиться к русскому гению, «прикоснуться к самому драгоценному в своей жизни. Пришел за поддержкой своего духа, за решающим советом — как ему быть?». И этот совет он получил в Ясной Поляне в мыслях и чувствах нечаянно встреченного здесь сына-офицера, и в своих собственных мыслях о Толстом.

Сидя под «деревом бейнх» с внезапно обретенным в общем горе, выповатим и скорбным отцом, Алеша с гордостью и почти благоволением признает его талант художника, но решительно отвергает его растерянность и смятение, его опасение, что завтра смогут захватчики вырвать у него сердце, сердце России, «нашу плоть, наш дух», которые находятся тут здесь, где родился и работал, «как господин и раб своего гения», Лев Толстой.

«Наверно, все мы думали о том же, о чем ты», — говорит Алеша о себе и своих товарищах, молодых офицерах. «А наш пап, По-своему. И я сказал, что если бы Толстой был жив, то не страшно, не приехали бы теперь дожидаться бы его, чтобы он к нам вышел из дома, а старик сам выбежал бы и начал бы бить набат в этот колокол, и знал бы людей, с кем бы он к нам вышел, о котором ты так хорошо мне сказал. Спасибо тебе... Но сердце, сердце... сердце у нас някому не вырвать. Оно слишком у нас велико!».

И Пастухов восторженно видит величие сердца народного, его неистребимую жизнеспособность в поведении окружающих его здесь людей. Он видит это и в пропавшей отчужденности русскому гению, которая выражена во всем поведении экскурсовода Марии Петровны, пусть не понимая до конца всей глубины своего любимого дела и тонких переживаний писателя Пастухова. Это величие сердца раскрывается через ту страстную настойчивость, с какой требуют молодые красноармейцы, чтобы им показали в эвакуируемой усадьбе «...хоть бы человека!» — через их простую готовность умереть за Родину и через ту внутреннюю деликатность, с какой они торопились войти в дом Толстого, «...по привычке безобидно наваливаясь друг другу на спины и — чтобы не давить ног — шаркая подошвами...». Большое сердце народа, всегда готового биться с врагом, выражено здесь и, казалось бы, в комической ситуации, когда беснозлая девчонка с медовыми глазами, встретившая Пастухова-старшего в лесу и пригласившая его за шпана, приводит мужиков, чтобы вязать подозрительную личность в голубую пальто.

Сдержанное достоинство, с которым простая женщина Мария Петровна, куда более простая, чем тонко организованный писатель, отклоняет его иронию в адрес этих людей, действительно немножко смешных в своей ошибке, говорит о том, что писатель Пастухов еще никому предстоит научиться у народа, у его жен, его истинной философии.

Все чрезвычайно экономные в своем многообразном богатстве изобразительные средства этой главы, все ее живописные детали пронизаны единой и страстной патристической мыслью-чувством. Вот «подловому» переключается птицы в осеннем лесу, через который идет Пастухов-отец, и он слышит, как они,сторожанные, тревожно извещают друг друга о его приближении: «Он стал!» — и какой-то другой деловой голос откуда-то спрашивает: «Опять?». И пчуга ответила: «Опять...». И эта переключая птиц возбуждает в творческом воображении Па-

стухова, потрясенного военной бедой, мыслью о том, что «совсем такими же стороженными переключками птиц происходила такая же утраченная тишина и три-четыре века назад», в гонимую татарских набегов. А отсюда мысль путника естественно переходит к подвигу врага, искони заслонявшего Родину от врага. «Неужели не отстоят нынче?». С большими проникновенным мастерством производит К. Фелин микроязыком творческой психологии писателя, обусловленной тем самым цепким художническим «медленным взором», который, «целиком обнимая зримое пространство, точно выспрашивал из него отдельные любопытные подробности».

Как отбачит этого медленного взгляда художника, насыщенного видением взволнованного бедствием войны моря народной жизни, возникает в живом воображении писателя сначала сказка о мудром старце, а затем терзающей очертания сказки, живой, как бы возникшей видимым путником образ слухом по лесной дороге в коляске Толстого «...откинутой ветром на одно плечо большой легкой борода». «Сажженный солнцем голубой сорный глаз» и даже ремешки волос в его рукавах, возникает его «неожиданно выскользнул» голос, а затем потрясающее своей реальностью видение Толстого, пишущего за столом в опустошенной эвакуационной комнате под сводами. Только художник смог увидеть плод своего воображения в такой зримой достоверности, и только отточенный своей усложненной многими пережитками психологией человек мог так испугаться силы этого воображения, как испугался Пастухов, в сматывая выбежавший из комнаты под сводами. Наиподробнее анализируя внутреннее состояние художника, и художника до глубины русского, К. Фелин не упускает в нем ни малейшего оттенка личного и социального.

И хотя читателю ясно показано, что встречающиеся на пути старшего Пастухова простые советские русские люди внутренне цельнее, сильнее и чище его, мы не могли бы столь волнованно-ярко ощутить это, если бы не увидели их в меланхолическом взоре Пастухова-художника, отраженными в его богатой и гибкой творческой психологии. Здесь перед нами раскрыта в пластическом образе мысль Зингалеса о том, что гений художника-реалиста способен видеть больше и глубже, чем его общественное сознание.

Мы не знаем нового романа К. Фелина в его полном объеме, не знаем дальнейшей судьбы его героев, но в одной главе его, являющей собой законченное целое, мы узнали очень многое из той «всей правды» о войне, к которой стремимся и которая раскрывается в многообразной психологии людей, каждый из которых предстал перед нами, как тип и как «этот».

Страницы нового произведения К. Фелина невольно приводят на память маленького рассказа В. Кожеевника «Большое искусство» — о том, как художник-самозучка Лия Го-тай прославился своими рисунками мелом и углем на стенах зданий, где он, руководимый страстью борьбы, изображал страдания народа и клеймил его угнетателей.

Мораль этой живой притчи отчетливо сформулирована знаменитым девятистопицихлетним художником Ци Бай-ши: «А я узнал вас, товарищ Лия Го-тай! И даже вспоминаю ваши рисунки...» Художник прозвонил строго: «На них лежала печать большой простоты. Но в них всегда был высокий смысл». А затем, парализованный, старик определил: «Радовать глаз человека должно мастерство. Но проникнуть в человеческое сердце может только настоящее, великое искусство». Настоящим искусством, в котором мастерство обусловлено высоким смыслом, отмечено новое произведение К. Фелина, проникающее в сердце читателя.

Ради мира на земле...

Елена ЗЛотова

Герои военного романа Эм. Казакевича, встретившие весну 1945 года на Одер, перешли в его следующий роман для серьезнейшего нового испытания. Если в «Весне на Одер» жизнь требовала от Лубенцова, Чохова, Воробейца прежде всего подвига храбрости, то в романе «Дом на площади» жизнь требует от них политической зрелости, гражданского мужества, — бесстрашного исследования фактов, подвиги терпения и человечности.

Одна из генеральных тем советской литературы — встреча двух миров — разрешается здесь в положении необычайно остром, не имеющем примеров в истории. «Дом на площади» открывает перед читателем новые стороны действительности, новые подходы к деятельности советских людей, вышедших своей социальной опыт, свое мировоззрение за рубеж страны.

В новом романе Э. Казакевича можно найти следы спешки и недоработанности. Но меня привлекает то, что это — роман мысли. И это его качество представляется мне таким принципиально важным и ценным, что я позволю себе отвлечься от несовершенств романа и говорить о том, что кажется мне здесь главным. Произведение мыслящего таланта, этот роман богат не только видением жизни, но и осмыслением наблюдаемых явлений. Необычайно положенный ставит на каждом шагу героев романа перед необходимостью принимать самостоятельные, смелые творческие решения, определяя верную, достойную советского человека линию поведения среди обстоятельств сложных и беспрецедентных.

Потому так много авторского внимания отдано в этом романе внутреннему миру героев, их способу строить свои отношения с людьми и собственной совестью.

Убедительность картин жизни идет иногда не столько от зоркости глаза художника, сколько от принципиальности его ума. Казакевич зачастую сам берет слово в романе и вступает в беседу с читателем как острый публицист, и эти отступления всегда полны интересных, глубоких, оригинальных мыслей.

Разведчик Лубенцов, который убивал и которого пытались убить в течение всех

лет войны, становится комедийным маленького немецкого городка.

«Перед работниками Советской Военной Администрации», — говорит автор, — простиралась большая страна, побежденная в жестокой войне, разочарованная в прошлом и не верящая в будущее... В этой стране была исковеркана мораль; драгоценный опыт революционного движения был предан забвению, поруган и осмеян; этические нормы человеческого поведения были чудовищно извращены. Все это следовало восстановить либо в форме передела, все это надо было сплести. А прежде всего — понять во всей сложности».

Дом на площади, ослепленный красным флагом, становится штабом многосложной деятельности, в основе которой лежат глубокая вера в разум народа и осторожная, внимательная дифференциация немцев, выходящих из-под оккупации.

Не все товарищи Лубенцова по плечу эта мудрая человечность по отношению к немецкому народу.

Майор Баскинков недоверчиво говорит: «Теперь они все хорошие».

Капитан Чохов, этот «содат-сирота», напротив того, полагает, что, поскольку война окончилась, врагов больше нет.

Два крайних суждения, однако верноверны.

Не столько личный жизненный опыт, сколько тридцатилетний опыт социалистического государства помогает работникам Советской Военной Администрации находить и завоевывать друзей, определять врагов, вести борьбу «за души маленьких людей», мечтающих отделиться в своих бытовых квартирах от исторического спора двух лагерей.

Может быть, с излишней добросовестной акривностью автором «представлены» в романе все типы немцев, все оттенки их политических позиций, варианты психологических мотивировок (здесь и налицо Бюрке, и сектантски непримиримый коммунист Лерхе, и старый профессор Себастьян с его интеллигентской порядочностью и интеллигентской же мятло-

У СБОРНИКА «Литературная Москва» есть любопытная особенность — на этот раз писатели решились поговорить с читателями без посредников-редакторов, решили сами редактировать друг друга. Ну что же, сейчас повсюду пробуждается инициатива, высвобожденная решениями партии о планировании в сельском хозяйстве, о промышленности и науке. Стоит пошире и повольготнее проявиться ей и в нашей литературе!

Сборник «Литературная Москва» так велик (52 печатных листа), так разнообразен по жанрам, что немилосиво всевозвездно говорить о нем в одной короткой статье. Ограничим поэтому лишь «малой прозой», вернее, одним рассказом.

...К великому беспокойству деревенских девчат вернулась на жительство из города семья Гавриловых и с ней еще неженатый Саша. Горячо и робко влюбляется в него юная дочка Настенька.

С глубоким, но ясным поэтическим повествованием Сергей Антонов о великой потребности в семье о жажде любви, о типичной современнице нашей — волевой, энергичной «тетке» Луше. В этом рассказе одновременно и узнаешь и не узнаешь хорошо известного читателю рассказчика. Есть здесь интонация, знакомые по «Дождям», но их немного; есть и совершенно новые, непривычные, но тоже «антоновские». Вероятно, «Тетя Луша» означает новый этап в творчестве Сергея Антонова, следующую ступень его мастерства.

Так бывает, когда после долгой разлуки встретились человек и увидели знакомое лицо уже иным: возмужавшим, посуровевшим, чуть-чуть хмурым. В рассказе «Тетя Луша» — и строго стало повествование у Сергея Антонова.

Но если «Тетя Луша» волнует и помогает лучше понять и увидеть наших современников, то уже следующую страницу Антона «Возница» вызывает невольную досаду...

«Так ведь в прошлом году хуже жили, — сказал я.

— Хуже жили, а летние было...» — отозвался Леопольд Кузьмич и хлестнул коня. — Прошлый год меня за критику уважали. Волю я люблю критику. И душу отдаю и от людей почтенье. Бывало, в правлении посидели, посрамим их там всех, а трудовни, между прочим, идут. Какие ни на есть, а все-таки трудовни. Прошлый год куда легче было. Все недостатки были под рукой — нагнаться не надо».

Прочтешь такое, и делаешь не по себе! Писатель потратил душевные силы и время, чтобы создать пустую нарисованную картину...

Немного лучше волевыми возгласами героя рассказа «Ангел» Семен Еремеевич. Читатель «Ангелу» и кажется, что уже давно читал ее, позыбы, а теперь с первой же страницы снова вспомнил все. А что самое обидное — верно «вспомнил»! Не раз тосковал Семен Еремеевич, переставшая и бюрократия, живописные авторы сатирических рассказов и, главное, точно так же живописные: будто Семен Еремеевич метеором свалился с неба и никто не виноват, что бюрократия благоденствует и мешаешь жить и работать окружающим.

Я знаю, что не все согласится со мной: многим нравятся «это остро», столкновения мнений, испытания характеров. На собраниях активы, обсуждающие чрезвычайные и повзрослевшие, одна за другой перед читателем сменяются на трибуне товарищи Лубенцова. Измена Воробейца вымещается в вину Лубенцову; его многогранная и сложная деятельность, которая развертывается перед нами на протяжении всего романа, выписана в нас полное существование, ретроспективно освещается в связи с бегством Воробейца как неправильная, либеральная, лишенная бдительности. Нам едва несправедливая эти обвинения. Но в то же время мы видим, какую впечатлительность приобретает предательство освещенный факт, как опасно заразительна может быть гипнотическая сила единодушного осуждения, если утрачена объективность. Сцена этого собрания, похожего на тяжелый сон, который нет сил прервать, — кульминация всего романа. Она написана с превосходной наблюдательностью и точностью психологических деталей.

Наконец, выступление подполковника Леонова, свободное от предубеждения, спокойное, трезвое, высвобождающее истину из полумрака крайностей, истинно, запальчивых превратно и передежуря. Те, кто понимал правоту Лубенцова, но не находил в себе гражданского мужества, чтобы выступить в его защиту, присоединяются к Леонову. Эта сцена — наглядный урок гражданственности.

Моральная победа Лубенцова на собраниях еще больше утверждает правильность тех принципов, на которых строится вся его деятельность: вера в человека; в то, что добросовестное заблуждение можно преодолеть; что отгульное отношение к цели нации граничит с расизмом; что корыстолюбие разоружает человека перед величием мира собственности. В эти истины прибавляется еще одна, добытая дорогой ценой: «мы должны учиться лучше распознавать людей, пристальнее смотреть на людей, а не на их анкеты».

Мы всегда благодарны писателю, если нам удается надолго запомнить его героя, тем более если этот герой положительный. Мы охотно признаем за Лубенцовым право на следующее после анкетного места, хотя близость к столь условной и пошлой фигуре не проходит безнаказанно для литературного героя. Но мы сожалеем о том, что нам неизвестно, как складывался характер Лубенцова, тем более, что героем положительным в полном смысле этого слова мы

Заметки писателя

«МАЛАЯ ПРОЗА» ВОЛЬШОГО СБОРНИКА

В. ЛУКАШЕВИЧ

И, наконец, совсем грустно делается от рассказа «Погубительница», в котором герой одержим, как алкоголик запоем, страстью красть и ради утоления этой страсти оставляет маленького сына и любимую жену, вступающую против воровства. Любовь к семье становится в трагическом противоречии с безудержной жаждой приращения казенного имущества.

И, наконец, спуска много лет доводит героя до того, что он сам на себя доносит. В «Погубительнице», на мой взгляд, наиболее трогательную вызывает стремление писателя работать над анкетной темой, чуждой самой природе его дарования.

В наши дни крепнущая связь между народами естественно стремление писателя отождествить события, происходящие в другом полушарии. Но как писателю реалисту изобразить неведомую страну и людей другого общества, если он с ними не встречался? Очевидно, он или конструирует характеры путем умозрительного соиздания, если можно так выразиться, «психологические скелеты», лишённые живого разнообразия свойств и переживаний, или позаимствует характер во всей его сложности из литературы чуждой страны. В рассказе Василия Гроссмана «Шестое августа» есть и то и другое.

Характеры сведены к одному свойству: Митчерих — циник; Коннор, по мнению Митчериха, — полурепублик, полудитя. Он в двадцать два года «ближе к маленькому, чем к большому», и ему надобно, чтобы мама с наступлением темноты позвала его домой и уложила спать. Диль — человек, изменивший спорту ради гастрономических наслаждений... А чтобы создать впечатление лежащих в подтексте психологических глубин, особенно в финале, в бессвязном и напряженном разговоре, автор заимствует интонацию у Хемингуэя.

Впечатление недовольства усиливается еще тем, что время от времени Василий Гроссман прибегает к странному приему — употребляет научные термины без надобности и пояснения.

Вот самолет летит над океаном: «Сердца, дышащие летчиков сделали лишь простейшей автоматической функцией, от волеизъявления движения логарифмов, от познаний телеграфов, от меняющегося напряжения электрического поля. Это было удивительно».

Не только удивительно, но непонятно, ибо неизвестно, зачем и какие «скользят логарифмы», какой и почему «волеизъявление движется синусом».

При всем этом рассказ написан как всегда у Василия Гроссмана, занимательно, легко, а местами даже кажется глубоким...

Я знаю, что не все согласится со мной: многим нравятся «это остро», столкновения мнений, испытания характеров. На собраниях активы, обсуждающие чрезвычайные и повзрослевшие, одна за другой перед читателем сменяются на трибуне товарищи Лубенцова. Измена Воробейца вымещается в вину Лубенцову; его многогранная и сложная деятельность, которая развертывается перед нами на протяжении всего романа, выписана в нас полное существование, ретроспективно освещается в связи с бегством Воробейца как неправильная, либеральная, лишенная бдительности. Нам едва несправедливая эти обвинения. Но в то же время мы видим, какую впечатлительность приобретает предательство освещенный факт, как опасно заразительна может быть гипнотическая сила единодушного осуждения, если утрачена объективность. Сцена этого собрания, похожего на тяжелый сон, который нет сил прервать, — кульминация всего романа. Она написана с превосходной наблюдательностью и точностью психологических деталей.

Великолепна концовка рассказа. Да и вообще отношение Льва Николаевича и Софьи Андреевны показаны тонко и сдержанно, почти целиком на подтексте.

Умный и тонкий рассказ Виктора Шклового — прекрасное возражение тем, кто видит один из недостатков нашей литературы в слишком обстоятельном разговоре героев! Уже само по себе это утверждение звучит весьма странно. Оно идет вразрез с традициями русской литературы, которая всегда несла в себе большие идеи и чувства. Русский человек всегда отличался правдоискательством, склонностью к размышлению и философии. Уберите из романов Тургенева философские и политические споры, — что останется от образов Базарова, Рудина, Инсарова? Каким неинтересным оказался бы Обломов! Как жалко выглядели бы князь Мышкин, Карамазовы, Неклюдов, Пьер Безухов... А что делать с «Палатой № 6» Чехова, с рассказами-спенками И. Горькова? Не в обилии, а впустошности разговоров беда многих наших недавних романов, в которых размер гор и пустынь! Писатели не искали образа современного, пытливого. Не в пример декадам широко образованного, по подобю им любящего поспорить и порассуждать.

В рассказе Виктора Шклового вся сила, вся соль не в событиях, а в мысли. И этим он возрождает добрую литературную традицию.

И, наконец, в сборнике есть еще два небольших рассказа... «В вагоне» Н. Мельникова, в сущности, только очень приблизительный набросок к будущему рассказу. Вообщем, что преждевременное опубликование уже погубило его...

На мой взгляд, самый слабый рассказ сборника — «Нали» О. Горькова. Автор рассказывает об одном эпизоде из борьбы брянских партизан... Но как рассказывает! На всем густой налет литературщины. Героиня выражается так, словно читает полюбую книжку. «Нет, девчонка, — говорила задумчиво Нали, — когда приходит она, ты не спрашивай — пришла ли, наконец, настоящая любовь? Ты знаешь — она пришла...». Или чего стоит псевдонимный герой: «Работая, аж кости трещат, топаю за плугом, а все по немучу думаю. Зачем силу трачу, пот зря проливаю? Лихое ночью времечко, придут супостаты — и манут всему».

Составляли сборник крупные, талантливые писатели, которых нельзя заподозрить в недостатке вкуса. Но тогда опубликование «Нали» — либерализм, который может вызвать читателя потребовать.

Вспомогательное множество собранных «справок», на которых не нашлось своего Леонова, способное смело развешать трезвым словом атмосферу отропатости, и понимаем, что Казакевич выбрал для завершения романа вариант, может быть, наиболее благоприятный для служебного пути Лубенцова, но не самый удачный для создания его характера. Лубенцов остается сильным в утверждении своей позитивной программой, но недостаточно мобилизованным к борьбе с тем, кто мешает ее выполнять, хотя и посылит ту же военную форму, что и он.

Новый роман Казакевича заставляет читателя о многом размышлять. Его герои интересны и близки нам. Мы хотели бы только, чтобы они всегда додумывали все до конца и чтобы безстрашие их мысли развились их воинской отваге предыдущих лет и романов.

литературная газета
№ 56
12 мая 1956 г.

Недавно в американском журнале «Юнайтед Стейтс»...

Положение пенсионеров в западноевропейских странах...

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА АНГЛИЙСКОЙ СЦЕНЕ

Лондонский театр оперы и балета «Сэдлерс Уэллс»...

«ЛУЧШАЯ ДОЛЯ»

Так называется новый фильм французского кинорежиссера...

Влюбленный в свое дело молодой инженер — исполняет Жерар Филип.

РОМАН КАМЕРУНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

В Париже вышла в свет первая книга молодого камерунского писателя...

Прогрессивная французская печать замечает, что в социальном аспекте фильм...

О МАЯКОВСКОМ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Китайским молодежным издательством «Шаоань эрцун»...

Эту книгу написала его мать. В ней она рассказывает о его учебе и творчестве...

«ДРУЗЬЯ КНИГИ»

Недавно подписчики венгерских газет, развернув очередной номер...

В НЕКОЛЬКО СТРОК

Выставка индийского изобразительного искусства открылась в Софии...

ПО ПРАВКЕ

В предыдущем номере «Литературной газеты» в первой полосе в репортаже...

ВСТРЕЧА В ТАТРАХ

В Татрах состоялась встреча делегации Союза Чехословацких писателей...

Один из участников этой встречи — чехословацкий критик и переводчик...

«ПРАЖСКАЯ ВЕСНА»

11 мая в Праге открылся 11-й ежегодный международный музыкальный фестиваль «Пражская весна».

Обособленно фестивалю этого года будет обширная программа произведений Моцарта...

На фестивале будут исполнены также произведения многих других композиторов различных стран мира.

ВЫСТАВКА АНГЛИЙСКОЙ ГРАФИКИ В ПЕКИНЕ

В художественной галерее парка Сун Ят-сена открылась выставка английской графики...

Эта первая выставка из Англии со времени освобождения Китая.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КИНОМАТОГРАФИИ

Проводит творческий конкурс для желающих поступить в 1956 году на сценарный и киноведческий факультеты...

Туз из старой колоды

Николай ГРИБАЧЕВ

Говорят, что человек этот является зачатком болельщика футбола...

Адольф Хойзингер, выдержав испытания на зрелость, колебался в выборе профессии...

а за совесть служил немецкому милитаризму, фашизму, реваншизму.

Рис. Бор. Ефимова

По все дело в том, что стратегические упражнения на поле футбольного поля — это лань не столь уж отдаленному прошлому и тренеровка в будущем.

Всю жизнь, меланхолически вздыхая, он любил повторять фразу: «Я люблю птичек».

«В моей карьере большой трагизм», — так комментировал исход борьбы сам Хойзингер.

Для того, чтобы разобраться в конструктивных хитростях и тонкостях нового бонового гештаба, необходимо приглядеться поближе к Хойзингеру — темной комете на небосклоне реваншистской политики определенных германских кругов.

улицы и дороги трупами, прокладывая по картам мира путь безумной агрессии.

Но на нюрнбергском процессе Хойзингер отделился только страхом. Правда, он провидел года три в тюрьме, но затем реваншистские богатомазы написали с него умилительную икону и оскорбля зарвавший смысл и надевался на общественное мнение...

Горячо приветствуем Москву

Редакция «Литературной газеты» обратилась к гостям в Советском Союзе художнику и поэту Давиду Бурлюку...

В Москве, в СССР — на родине. Почти 40 лет спустя... Какое необыкновенное чувство, какое исключительное по необычности переживание!

Вооруженным таким образом, мы благодаря стечению самых разнообразных благоприятных обстоятельств 28 апреля приехали в Москву.

Синее, весеннее «венечанское» небо раскинуло свой голубой плащ над зубчатыми стенами, чудо-башнями, златоверхими соборами обновленного Кремля...

Мы горячо приветствуем Москву! Нам особенно повезло: мы увидели в дни Первой.

В Нью-Йорке мы видели первомайские парады рабочих Америки. С 1923 года мы смотрим фильмы, в которых показывают парады в день 1 Мая на Красной площади.

Мы думаем пробыть в Москве дней пять-шесть, а затем поехать в Крым, писать там картины для выставки, которая откроется в галерее современных американских художников в Нью-Йорке.

Мы покинули берега России около сорока лет назад и в последний раз, уходя, видели скалы Аскольда у Владивостока.

Мы верим, что наш труд будет вкладом в великое дело всеобщего мира и всеобщей культуры и в какой-то мере поможет взаимному пониманию двух великих стран — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Критика и самокритика

Рисунок из румынского журнала «Флаксара»